

Научная статья

О проблеме оформления сочетаний субъекта с инфинитивом в лексикографических источниках (на примере удмуртского языка)

DOI 10.31483/r-99826

УДК 811.511.131

Максимов С.А.

ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук», Ижевск,
Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Резюме: Работа посвящена актуальной проблеме современной удмуртской лексикографии – вопросам лексикографирования сочетаний субъекта с инфинитивом. *Материал исследования* составили словари удмуртского языка. Работа основана на описательном *методе*. *Цель* работы – изучить передачу в удмуртских словарях глагольных сочетаний, выражающих эмоционально-психические состояния и физиологические явления, в виде инфинитивных сочетаний «субъект + инфинитив» и предложить приемлемые способы их оформления. Удмуртская лексикография с момента своего зарождения прошла довольно длинный путь и достигла определенных успехов. Однако из-за отсутствия непрерывно проводимой работы в данной области многие проблемы остаются нерешенными. Одной из таких проблем является оформление в словарях сочетаний, связанных с выражением эмоционально-психических состояний и физиологических явлений. В живой речи подобные конструкции часто состоят из грамматического субъекта (йыр 'голова', köt 'живот', lul 'душа; дыхание', vir 'кровь' и т. д.) и спрягаемой формы глагола, например: йыр кур луэ 'меня злит', köt куректэ 'мне горестно', vir потэ 'кровь течет, сочится'. В советский период в удмуртской лексикографии утвердилась традиция подачи глаголов в словарных статьях в форме инфинитива (аффикс -ны). Вместе с изданием новых словарей постепенно стало увеличиваться количество структур типа «субъект + инфинитив», хотя подлежащее не может вступать в синтаксическую связь с инфинитивом, и в живой речи подобные структуры не встречаются. В работе описываются возможные пути решения исследуемой проблемы, при этом для разных групп конструкций предлагается несколько моделей решения.

Ключевые слова: удмуртский язык, словари, лексикография, выражение эмоционально-психических состояний, выражение физиологических явлений, сочетания «субъект + инфинитив».

Для цитирования: Максимов С.А. О проблеме оформления сочетаний субъекта с инфинитивом в лексикографических источниках (на примере удмуртского языка) // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, № 4. – С. 22-31. DOI:10.31483/r-99826.

Research Article

Describing Subjective Infinitive Constructions in Lexicographic Sources (on the Example of the Udmurt)

Sergey A. Maksimov

FSBIS "Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences",
Izhevsk, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Abstract: The work is devoted to the actual problem of modern Udmurt lexicography – the issues of lexicography of combinations of a subject with an infinitive. The *research material* was composed of dictionaries of the Udmurt language. The work is based on a descriptive *method*. The *purpose* of the work is to study the transmission in Udmurt dictionaries of verb combinations expressing emotional and mental states and physiological phenomena in the form of infinitive combinations «subject + infinitive» and to suggest acceptable ways of their design. Udmurt lexicography has come a long way since its inception and achieved certain success. However, due to the lack of continuous work in this area, many problems remain unresolved. One of these problems is the registration in dictionaries of combinations associated with the expression of emotional and mental states and physiological phenomena. In living speech, such constructions often consist of a grammatical subject (yyr 'head', köt 'belly', lul 'soul; breath', vir 'blood', etc.) and a conjugated form of the verb, for example: yyr kur lue 'me angry', köt kurekte 'I'm sad', vir pote 'blood flows, oozes'. In the Soviet period, the tradition of presenting verbs in dictionary entries in the form of an infinitive (affix -ny) was established in the Udmurt lexicography. Along with the publication of new dictionaries, the number of structures of the «subject + infinitive» type gradually began to increase, although the subject cannot enter into a syntactic connection with the infinitive, and such structures are not found in living speech. The paper describes possible ways to solve the problem under study, while for different groups of structures, slightly different solution models are proposed.

Keywords: Udmurt language, dictionaries, lexicography, expression of emotional and mental states, expression of physiological phenomena, combinations «subject + infinitive».

For citation: Maksimov S.A. (2021). Describing Subjective Infinitive Constructions in Lexicographic Sources (on the Example of the Udmurt). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(4), 22-31. (in Russ.). DOI:10.31483/r-99826.

Введение

Удмуртская лексикография своим зарождением обязана ученым-путешественникам первой половины XVIII в., зафиксировавшим в полевых условиях сло-

ва и составившим первые списки удмуртских лексем. Самым ранним из известных к настоящему времени удмуртских письменных источников, датируемый 1726 г., является словарь Д.Г. Мессершмита, который

отличается своим объемом (около 350 слов) и достаточно хорошим качеством записей [8, с. 8–9]. Первым крупным лексикографическим трудом следует считать рукописный словарь Захария Кротова, составленный в 1785 г. Он содержит около 5000 словарных статей [7]. К первым печатным лексикографическим трудам, можно отнести словник грамматики удмуртского языка, изданной в 1775 г. (насчитывает около 1400 лексических единиц) [12]. Впоследствии было издано значительное количество словарей различного типа, представляющих лексику удмуртского языка. Большая часть из них относится к переводным: удмуртско-русским (а также с переводами на другие языки) или русско-удмуртским [см.: 19, с. 5–7; 13, с. 117–134; 2; 21, с. 141–146].

Словари являются справочными пособиями, отражающими лексику того или иного языка. Они имеют разное предназначение и разный объем, однако универсальными справочными лексикографическими источниками служат словари академического типа, наиболее полно представляющие лексический состав языка. Как отмечает русский лексикограф Ф.П. Сороколетов [11, с. 4], «...одним из основных условий создания хороших толковых словарей национального языка является непрерывность лексикографической традиции». В течение долгих лет наиболее крупными словарями удмуртского языка оставались удмуртско-русский словарь 1983 г. (около 35 тысяч заглавных слов) [19] и русско-удмуртский словарь 1956 г. (около 40 тысяч слов) [9]. Благодаря труду языковедов Удмуртского института истории языка и литературы в 2008 г. увидел свет новый удмуртско-русский словарь, насчитывающий около 50 тысяч словарных статей [20], а в 2019 г., спустя 63 года после предыдущего аналога, был опубликован двухтомный русско-удмуртский словарь, в котором более 55 тысяч заглавных слов [10]. Как видно из сказанного, вряд ли в отношении удмуртской лексикографии можно вести речь о непрерывности традиции.

Как далее пишет известный лексикограф, «В основе создания больших словарей всегда лежала теоретическая разработка лексикологических, грамматических, стилистических и других проблем языкознания. Уровень развития языковедческой теории в конечном счете определял уровень лексикографической разработки лексического материала в словарях» [11, с. 4]. Нерегулярный характер составления лексикографических трудов, отсутствие должной разработки многих положений грамматики и лексикологии удмуртского языка порождает множество проблем, с которыми сталкиваются составители словарей.

Цель настоящей работы – рассмотреть историю передачи в удмуртских лексикографических трудах глагольных сочетаний, выражающих эмоционально-психические состояния и физиологические явления, в виде инфинитивных сочетаний («субъект + инфинитив») и предложить приемлемые способы оформления материала.

Актуальность заключается в следующем: подлежащее с инфинитивом не образует синтаксической связи, а потому при отсутствии сказуемого сочетания

грамматического субъекта с примыкающим к нему инфинитивом выглядят искусственными и противоречат грамматическому строю удмуртского языка. Назрела настоятельная необходимость отойти от практики оформления словарного материала в форме «субъект + инфинитив» при составлении новых лексикографических трудов.

Материалы и методы

Материалом для написания статьи послужили наиболее значительные словари удмуртского языка, начиная с первого памятника письменности (1726) и завершая последними наиболее крупными удмуртско-русскими словарями (1983, 2008). В числе прочих было использовано все четыре орфографических словаря удмуртского языка. Работа построена на описательном методе.

Обсуждение

К числу нерешенных вопросов удмуртской лексикографии относится оформление в словарях понятий, выражающих эмоционально-психические состояния и физиологические явления. Названные понятия в удмуртском языке обычно передаются через двух-трехчленные устойчивые сочетания, первым компонентом которых выступают следующие существительные: *йыр* ‘голова’, *кӧт* ‘живот’, *лул* ‘душа’, *сюлэм* ‘сердце’ и др., – которые, как отмечают исследователи, представляют собой место сосредоточения человеческих эмоций [см. 5, с. 104–105]. В составе предложений формально они выступают в роли подлежащего, сочетаясь со спрягаемыми формами глаголов. Однако в лексикографической практике удмуртского языка сложилась традиция, когда рядом с указанными словами ставится инфинитив. Так, даже в авторитетных словарях, в том числе орфографических, можно найти конструкции: *йыр кур луыны* или *йыркур луыны* ‘сердиться’ (досл. ‘голова злая быть’ или ‘злость быть’), *кӧтвяны* ‘страдать расстройством желудка, диареей’ (досл. ‘живот течь’), *кӧтжож луыны* ‘досадовать’ (досл. ‘обида быть’), *мылкыд тырмыны* ‘быть довольным, удовлетворенным’ (досл. ‘настроение наполниться’), *сю куасьмыны* ‘испытывать жажду, хотеть пить’ (досл. ‘*рот сохнуть’) и т. д. Некоторые двухкомпонентные глаголы, такие как: *вожпотыны* ‘сердиться, злиться’ (досл. ‘зелень / зло появляться’), *сюкуасьмыны* и др. – в отдельных словарях рассматриваются как сложные слова, то вряд ли трехкомпонентные конструкции возможно соединить в единое целое, особенно, когда один из компонентов – это глагол *луыны* ‘стать, становиться; быть’.

Практика подачи конструкций, выражающих эмоционально-психические состояния, сложилась не в одночасье. Из анализа словарей можно понять, что в XVIII–XIX вв. их составители не только не допускали оформления материала подобным образом, но даже одиночные глаголы далеко не всегда размещали в форме инфинитива на *-ны*. Так, в наиболее раннем лексикографическом источнике – словарице Д. Мессершмита [8] мы нашли всего три глагола. Два из них записаны в вопросительной форме второго лица единственно-

го числа: *adžiiskid-a?* ‘(ты) увиделся ли?’ [8, с. 165], *todskod-a?* ‘знаешь ли?’ [8, с. 201], а один – в форме инфинитива, выступающего в качестве зависимого слова предикатива *kule* ‘необходимо, надо, нужно’, в составе выражения: *inmarlā vešaškāñ kule* ‘богу надо молиться?’ [8, с. 178].

В первой грамматике удмуртского языка, изданной Российской Академией наук в Санкт-Петербурге [12], после описания грамматического строя глагола представлен список глаголов в форме первого лица единственного числа настоящего времени на двенадцати страницах [12, с. 97–108], например: *сылысько* ‘стою’, *султысько* ‘встаю’, *дугдысько* ‘перестаю’, *цютысько* ‘хромаю’, *венцаско* ‘вѣнчаю’ [12, с. 97].

В рукописном словаре, составленном Захарием Кротовым, священником с. Еловского Глазовского уезда в 1785 г [7], как и в предыдущей работе, глаголы даны в форме первого лица единственного числа настоящего времени: *адзискд* ‘вижу, кажуся’ [7, с. 1], *алыско* ‘усмиряю, укрощаю’ [7, с. 4], *вормыско* ‘побеждаю; одоляю; преодолеваю, преодолеваю’ [7, с. 30], *мырдыаско* ‘принуждаю, убѣждаю’ [7, с. 143]. В словаре можно встретить также инфинитивные формы, но только как зависимые от спрягаемой формы глагола слова, к примеру: *адскыны ветско* ‘посещаю’ (досл. ‘повидаться хожу’) [7, с. 1]. Понятия, связанные с эмоционально-психическими состояниями и физиологическими явлениями, представлены в достаточном количестве; при этом мы не нашли сочетаний грамматического субъекта с инфинитивом. Примеры: *Лур курь каронь* ‘досада’, *Лур курь кариско* ‘досаждаю’, *Лур курь карись* ‘досадитель’ [7, с. 72]; *Кеть сюма* безл. гл. ‘алчу’ [7, с. 87]; *Мылькыть потемь* ‘вождедѣнный’, *Мылькыть-потонь* ‘похотливость’, *Мыль-кыть-потысь* ‘похотливый’ [7, с. 141]; *Мыль потонь* ‘желаніе, хотеніе, изволеніе’, *Мылэ потэ* безл. гл. ‘желаю, хочу, хочется’ [7, с. 141]; *Сю квасме* безл. гл. ‘пить хочется’ [7, с. 210].

В 2006 г. изданы материалы рукописных «Вотско-русских словарей» первого удмуртского ученого Г.Е. Верещагина, подготовленных в разные временные периоды: по мнению ответственного за выпуск Л.М. Ившина, первый словарь предположительно составлен в 1892 г., второй – после 1918 г. [3, с. 6]. Понятия, выражающие действие, состояние, автор передает разными способами: наиболее регулярным является инфинитив на *-ны*: *Алыны* ‘Запретить, запрещать’ [3, с. 19], *Бырттыны* ‘Вдѣть’ [3, с. 40], *Гуньдыны* ‘Быть подавлен[ным]’ [3, с. 77], *Нёдыны* ‘Увязнуть в грязи’ [3, с. 170], *Сётскылыны* ‘Сдаваться’ [3, с. 206], *Таланы* ‘Отнимать’ [3, с. 223]. Наряду с данными формами иногда встречаются инфинитивы с семантикой необходимости, долженствования, с формантом *-но*: *Алоно* ‘Надо запрещать’ [3, с. 19], *Бырттоно* ‘Надо вдѣть’ [3, с. 40], *Бэргано* ‘Надо кружиться’ [3, с. 44], *Бэргатоно* ‘Надо кружить’ [3, с. 44].

Довольно часто действие представлено глаголом повелительного наклонения (наряду с инфинитивом на *-ны* и отглагольным именем на *-(о)н*): *Гуньдон* ‘Состояние чувствующего остановку въ горлѣ проглоченно-

го’, *Гуньды* Пов. гл. ‘подавись’, *Гуньдыны* ‘Быть подавлен[ным]’ [3, с. 77], а в некоторых случаях инфинитив вообще отсутствует: *Гурла* Пов. гл. ‘веселись’, *Гурлан* ‘Веселіе, приятное настроеніе духа’ [3, с. 77]; *Джытоме* ‘вечереет’ [3, с. 84]. Последнее слово представляет собой форму глагола третьего лица единственного числа.

Примечательно, что понятия, связанные с эмоционально-психическим состоянием и физиологией человека, чаще всего также переданы не инфинитивом, а иными формами, например: *Йыркур каронь*, *Лыр кур каронь* ‘Гнѣвъ, негодование’, *Йыркур-луонь*, *Лыр кур луонь* ‘Гнѣвъ, негодование’, *Йыры кур луиз* (дано без перевода; наш перевод – ‘я рассердился’) [3, с. 109]. В приведенной группе примеров отсутствуют обычные для современных словарей сочетания *Йыркур луыны* и/или *Лыр кур луыны*, представляющие сочетание формального субъекта действия с инфинитивом. В словаре присутствует отглагольное образование *Кёткуректон*, *Кёт куректон* ‘Печаль’ [3, с. 126], но отсутствует сочетание *Кёт куректыны* (досл. ‘живот горевать’). Однако подобные образования в словаре всё же встречаются: *Кётсюманы* ‘Чувствовать голодь’, *Кёт тырыны* ‘Наедаться’ [3, с. 126], *Мылпотыны*, *Мыл потыны* ‘Хотѣть, похотетствовать’ [3, с. 165], *Сю куасьмыны* ‘Жаждать’ [3, с. 219] (в последнем случае также: *Сю куасьмэ*, *Сю куасьме* ‘Горло пересыхает’). Подобная подача понятий в данном случае может быть оправдана тем, что один из компонентов сочетаний (*тырыны*, совр. *тырмыны* ‘наполниться’, мыл *‘желание, хотение’, сю *‘рот’) в современном языке утратил или начал утрачивать свою семантику и самостоятельно не употребляется. Всё же в словаре, опубликованном на основе дополнительно найденных лексических материалов Г.Е. Верещагина [4], размещено следующее сочетание: *Лыр поромыны* ‘Вскружиться голове’ (досл. ‘голова кружиться, вскружиться’) [4, с. 62].

Словарь финского финно-угроведа Ю. Вихманна “*Wotjakischer Wortschatz*” [23] базируется преимущественно на личных записях автора, сделанных им во время поездок к удмуртам в 1892 и в 1894 гг. В нем содержится свыше 6 тысяч лексем, собранных от носителей девяти удмуртских диалектов. Данный словарь отличается не только качеством полевых записей, но и высоким уровнем лексикографического решения. В нем заглавные слова, выражающие понятия, связанные с действием и состоянием, систематически передаются глаголами в форме инфинитива на *-ны (ni)*. Однако исследуемая категория понятий, в отличие от их аналогов, размещенных в большинстве современных словарей, обычно выражаются спрягаемыми формами глагола: *mile pote* (глаз.) ‘мне хочется, мне хотелось бы’, *šiete ug po.t(i)* ‘я не хочу есть’ [23, с. 206]; *šue d’uzmaz* (м.-урж.) ‘я утолил жажду’, *šue juzma* (малм.) ‘жажда утоляется’ [23, с. 238]. Составители не стремились создавать искусственные формы сложных и составных глаголов, в частности, *juzmani*, *d’uzmani* ‘утолиться (жажда)’ [23, с. 85] – дано отдельной словарной ста-

¹ Здесь и далее дословные переводы в скобках сделаны автором.

тьей, а их сочетания со словом *šui ~ šu* 'жажда' в спрягаемых формах представлены в другой статье [23, с. 238]. Сочетания типа «субъект + инфинитив» можно обнаружить лишь в единичных случаях: *kõt tirjini* (м.-урж.) 'питаться, прокормиться', 'поестъ досыта, наестся, насытиться' [23, с. 103, 262]; *lul-šug luini* (малм.), *lul-šug luini* (уф.) 'страдать астмой' [23, с. 149]. Еще одна структура: *vožže potni* (малм.) 'сердиться, злиться' [23, с. 206] – правильное выглядела бы в форме *vožže potte* 'сердится, злится'.

Наиболее крупным лексикографическим трудом удмуртского языка начала прошлого века – это словарь Т.К. Борисова «Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь», изданный в 1932 г. (переиздан в 1991 г.) [1]. Несмотря на то что словарь называется толковым, его в большей степени можно бы было назвать диалектным. В нем содержится около 15 тысяч диалектных и общеудмуртских слов. Заглавные слова, выражающие понятия, связанные с действием и состоянием, систематически передаются глаголами в форме инфинитива на *-ны*. В словаре мы насчитали одиннадцать сочетаний грамматического субъекта с инфинитивом, которые можно разбить на три группы:

1) трехкомпонентные сочетания: *йыркур луыны* 'быть обиженным' (в действительности: 'злость быть') [1, с. 119]; *кõtжож луыны* 'обидеться' (досл. 'обида быть') [1, с. 141]; *кõtшуг луыны* 'беспокоиться, волноваться, нервничать' (в действительности: 'беспокойство быть') [1, с. 142];

2) двухкомпонентные сочетания (один из компонентов утратил самостоятельное употребление): *вожпотыны* 'рассердиться, гневаться' [1, с. 57]; *кõtвеськаны* 'подходить, нравиться' [1, с. 141]; *кõtсюманы* 'наголодаться, голодать' [1, с. 141]; *мыл потыны* 'хотеть, захотеть, желать' [1, с. 189]; *пуш тырыны* 'обидеться, чувствовать недовольство' [1, с. 237];

3) сочетания из двух полнозначных компонентов: *кõt сюрныны* 'забеременеть' (досл. 'живот найтись') [1, с. 142]; *лул пытсаськыны* 'одолевать одышку' (досл. 'дыхание закрыться') [1, с. 169]; *серем потыны* 'смеяться' (досл. 'смех выйти, появиться') [1, с. 251].

Третья группа состоит из двух полнозначных лексем, и подача материала в такой форме в словарях ничем не может быть оправдана.

В орфографическом словаре удмуртского языка 1936 г. издания, составленном С.П. Жуйковым [6], насчитывается около 12 тысяч слов. Категория понятий, связанная с эмоционально-психическими состояниями и физиологическими явлениями, инфинитивными сочетаниями в нем передается весьма редко. Таковых мы нашли всего три единицы: *йырберганы* [6, с. 83], *кõtсюманы* [6, с. 101], *мылпотыны* [6, с. 139]. В двух последних словах один из компонентов утратил самостоятельное употребление. На общем фоне системы подачи материала странным выглядит такое образование, как *йырберганы*, состоящее из двух самостоятельных слов: *йыр* и *берганы* (досл. 'голова + кружиться').

Удмуртско-русский словарь 1948 г., составленный большим коллективом авторов, содержит около 15 тысяч заглавных слов [18]. Он был предназначен

служить пособием для изучающих удмуртский язык и быть помощником при переводе с удмуртского языка на русский. В данном словаре размещено 14 сочетаний, образованных по типу «субъект + инфинитив». Отдельные структуры, наличные в предшествующих словарях, здесь не нашли себе место, однако семь единиц представлены впервые: *виртырыны* 'образоваться кровоподтеку, синяку' (досл. 'кровь наполниться') [18, с. 48]; *žuz: žuz vir кошкыны* 'истекать кровью' (досл. 'обильно кровь бежать') [18, с. 105]; *лул потыны* 'умереть', 'испугаться до смерти' (досл. 'душа выйти') [18, с. 178]; *мылкыд жэутскыны* 'вдохновиться, воодушевиться' (досл. 'настроение подняться') [18, с. 199]; *сюлэм шуг луыны* 'нервничать' (досл. 'сердце тяжело стать') [18, с. 255]; *сием потыны* 'проголодаться' (досл. 'едение появиться / есть хотеться') [18, с. 269]; *сюлэм шодыны* 'предчувствовать' (досл. 'сердце чувствовать') [18, с. 284].

В данном словаре вместо сочетания *пуш тырыны* – с архаичным вариантом глагола – приведено *пуш тырмыны* 'расчувствоваться (до слёз)' (досл. 'нутро наполниться') [18, с. 255]. Также впервые появляется структура «причастие на *-м* + *потыны*» – *сием потыны* 'проголодаться' [18, с. 269]. Буквальный перевод данного сочетания 'едение выходить, появляться'. Адекватный перевод образований на *-м* в подобных сочетаниях соответствует русскому глаголу, в данном случае – 'есть, кушать (хотеться)', что послужило причиной в современной грамматике удмуртского языка такие слова рассматривать как один из инфинитивов [14, с. 150–151]. Однако подобные формы, помимо глагольной семантики (действие), функционально сближаются с именами (принимают посессивные суффиксы) и сочетаются со спрягаемыми формами глагола.

Изданию удмуртского орфографического словаря в 1959 г. предшествовало утверждение и публикация свода новых правил по орфографии и пунктуации удмуртского языка в 1957 г. Словарь насчитывает более 16 тысяч слов [16]. Количество сочетаний субъекта с инфинитивом в нем превысило 20 единиц, пополнившись следующими структурами: *адзем потыны* [16, с. 36] ('хотеть видеть', досл. 'видение / увиденное появиться'); *вир пуксыны* [16, с. 56] ('образоваться – о кровоподтеке, синяке', досл. 'кровь сесть'); *кõt шуг луыны* [16, с. 106] ('беспокоиться', досл. 'живот / душа тяжело быть'); *кõtкуректыны* [16, с. 106] ('горевать', досл. 'живот / душа горевать'); *кыл быгыльмыны* [16, с. 114] ('заплетаться – о языке', досл. 'язык закрутиться, затупиться'); *лултырыны* [16, с. 120] ('задыхаться, страдать одышкой', досл. 'дыхание заполнить'); *лулшугомыны* [16, с. 120] ('задыхаться, страдать одышкой', досл. 'дыхание затрудниться'); *сююзманы* [16, с. 180] ('утолиться – о жажде'); *юэм потыны* [16, с. 215] ('пить хотеться').

По неизвестной нам причине авторы не включили сочетание *сием потыны*, хотя оно имеется в предыдущем словаре.

Спустя полвека (1984) увидел свет очередной орфографический словарь удмуртского языка, который насчитывает свыше 25 тысяч слов и словосочетаний [17]. Он составлен коллективом авторов; в обсуждении

принимал широкий круг деятелей, занятых удмуртским языком. С увеличением объема в нем увеличилось и количество исследуемых инфинитивных структур, насчитывающих более 36 единиц. Список нового материала выглядит следующим образом: *вир кисътійськыны* [17, с. 86] (досл. 'кровь проливаться'); *вир потыны* [17, с. 86] (досл. 'кровь вытекать'); *вир сёрисъкыны* [17, с. 86] ('расстроиться', досл. 'кровь испортиться'); *зын потыны* [17, с. 129] ('пахнуть; вонять, досл. 'запах исходить'); *эуз: эуз вир вияны* [17, с. 133] ('истекать кровью', досл. 'обильно кровь течь'); *кõt висъыны* [17, с. 161] (досл. 'живот болей'); *кõt вияны* [17, с. 161] ('страдать расстройством желудка / диареей', досл. 'живот течь'); *кõt ёжожаны* [17, с. 161] ('обижаться', 'печалиться', досл. 'живот / душа обижаться, печалиться'); *кõt уралтыны* [17, с. 162] ('сильно проголодаться', досл. 'живот сильно проголодаться'); *кõt шуганы* [17, с. 162] ('беспокоиться, тревожиться', досл. 'живот / душа беспокоиться'); *кыл потыны* [17, с. 177] ('зайти речь', досл. 'слово выйти'); *лушуг луыны* [17, с. 190] ('задышаться, страдать одышкой', 'досл. одышка быть'); *сием-юзм потыны* [17, с. 261] ('есть / кушать хотеться'); *сюлэм ёжожаны* [17, с. 275] ('обижаться', 'печалиться', досл. 'сердце / душа обижаться, печалиться').

В словарях, изданных в более позднее время, вместе с увеличением их объема продолжает увеличиваться число структур, представляющих сочетания субъекта с инфинитивом: в орфографическом словаре 2002 г. издания [15] таковых насчитывается более 35 единиц, в удмуртско-русском словаре 1983 г [19] – около 60, в удмуртско-русском словаре 2008 г [20] – более 70. Абсолютное большинство подобных сочетаний связано с выражением эмоционально-психических состояний и физиологических явлений, в которых логическим субъектом чаще всего выступает лицо (человек), а грамматическим (формальным) субъектом является место концентрации эмоций и физиологических явлений (голова, живот, сердце, душа и т. д.), реже – некоторые жидкости и секреты, выделяемые организмом (например, кровь, слюна). В связи с особенностью синтаксиса удмуртского языка, в котором сказуемое стремится к концу предложения, а его маркеры располагаются между ним и подлежащим, в речи инфинитив, подчиненный сказуемому, может стоять непосредственно рядом с подлежащим: *вож потыны кутскиз* '(я) начал сердиться', *йыр кур луыны кутскиз* 'начал злить, зло начало брать', *кõt сюманы кутскиз* 'захотел есть, начал ощущать голод, проголодался'. Однако, как уже сказано ранее, в подобных конструкциях подлежащее синтаксически никак не связано с инфинитивом и без глагола-сказуемого такое соседство невозможно.

* * *

Пути решения поставленной проблемы могут быть разные. При этом важно исходить из того, чтобы не нарушать принципов грамматики удмуртского языка, в тоже время рационально и доступно размещать материал в словарях. В настоящей работе решение будет предложено в первую очередь для орфографического словаря. Для этого распределим словарный материал по группам.

1. Слитное написание

1.1. Слитно следует писать инфинитивную форму двухкомпонентных глаголов, вторым компонентом которых является глагол *потыны* 'выходить; появляться', а первый компонент в современном языке утратил или начал терять значение и самостоятельно не употребляется. Из категории, образованных по типу «субъект + инфинитив», таковых нашлось всего две единицы: *вожпотыны* 'сердиться, рассердиться', *мылпотыны* 'хотеть, захотеть; хотеться, захотеться'; в словаре они будут размещены следующим образом:

вожпотыны, нош: воже потэ, воже уг поты

мылпотыны, нош: мылы потэ, мылы уг поты

В примерах на употребление глаголы даны в форме третьего лица единственного числа настоящего времени (утвердительная и отрицательная формы) – *воже потэ* 'я зол, я сержусь', досл. 'зло=моё выходит, появляется', *воже уг поты* 'я не злюсь, не сержусь', *мылы потэ* 'мне охота', досл. 'желание=моё выходит, появляется', *мылы уг поты* 'мне не охота, я не хочу'. При словоизменении компоненты отделяются друг от друга и пишутся раздельно. Аналогичным образом традиционно даются в словарях следующие сложные глаголы: *вукпотыны* 'тошнить, затошнить', *жарпотыны* 'светать, рассветать', *керпотыны* 'стесняться, постесняться', *мыньпотыны* 'улыбаться', *пальпотыны* 'тж.', *пырпотыны* 'пройти', *путпотыны* 'треснуть', *шокпотыны* 'запыхаться, начать запыхаться', *шумпотыны* 'радоваться, обрадоваться', – первый компонент которых не является субъектом:

вукпотыны, нош: вук уг поты

пальпотыны, нош: паль уг поты

При спряжении данной группы слов раздельно пишутся только отрицательные формы. Утвердительные формы ведут себя как обычные глаголы: *со вукпотийз* 'его затошнило', *со пальпотэ* 'он улыбается'. Если первый компонент подобных глаголов является неодносложным, то такие конструкции всегда пишутся раздельно, например: *вукак (вукылак) потыны* 'затошнить'.

1.2. Слитно следует писать двухкомпонентные глаголы с компонентами *сю* и *сюманы*, утратившими свою самостоятельность: *сюкуасьмыны* 'испытывать жажду, хотеть пить', *сююзманы* 'утолиться (о жажде)', *сююзматыны* 'утолить жажду', *кõtсюманы* 'испытывать голод, хотеть есть'. В эту же группу отнесем глагол *кõtвеськаны*: *кõt уг веська* 'не по душе', обе части которого хотя и могут употребляться самостоятельно, но в совместно возникшей структуре их значения затменены:

сюкуасьмыны, нош: сюэ куасьме, сюэ уг куасьмы

сююзманы, нош: сюэ юзма, сюэ уг юзма

кõtсюманы, нош: кõtы сюма, кõtы уг сюма

кõtвеськаны, нош: кõt уг веська

1.3. Слитно пишется глагол *кõtтырыны* 'питаться, кормиться; поесть', поскольку образован по схеме «дополнение + глагол», однако при словоизменении его компоненты также отделяются один от другого. Названному слову будет предшествовать конструкция, выражающая понятия «наестся, наелся», в которой слово *кõt* выступает в роли грамматического субъекта:

кõt тырыны кутскиз (кõt тыриз, кõtы тыриз, кõtы õз тыры)

кõtтырыны, нош: кõtэз тырыны, кõtме тыри, кõtме õй тыры.

Остальные сочетания, образуемые с помощью глагола *тырыны*, в частности с компонентами *вир* 'кровь', *кõt* 'живот', *лул* 'душа; дыхание', *пуш* 'нутро', *мылкыд* 'настроение', пишутся раздельно.

2. Раздельное написание

2.1. Составные двухчленные структуры, размещенные в словарях в виде сочетаний «субъект + инфинитив» в орфографическом словаре можно оформить по следующему образцу: *кõt тырыны* > *кõt тырыны* кутскиз (кõt тыриз, ...), иначе говоря: «1-й компонент + инфинитив + кутскиз 'начался'». После чего – наиболее типичный пример употребления (в скобках). В данном случае – глагол в форме прошедшего времени *кõt тыриз* 'я наелся'. Однако в зависимости от семантики соответствующей конструкции глаголы могут быть и в иных формах, например: *кõtвияны* 'страдать расстройством желудка' > *кõt вияны* кутскиз (кõtгыз вия) 'он страдает расстройством желудка'; *кыд бертыны* 'лишиться разума, рассудка' > *кыд бертыны* кутскиз (кыдыз бертэмын ни) 'он уже лишен разума, рассудка'. Отдельно выделим группу конструкций, представляющих особые трудности при написании (в современных словарях даются слитно):

кõt жõжаны кутскиз (кõtы жõжа)

кõt куректыны кутскиз (кõtы куректэ)

кõt шуганы кутскиз (кõtы шуга)

лул шуганы кутскиз (лулы шуга)

Представим список двухкомпонентных составных структур типа «субъект + инфинитив», найденных нами в последних двух больших удмуртско-русских словарях [19; 20]. Если значения в разных словарях рознятся, то они даются в соответствии с последним изданием:

адзем потыны ('хотеть видеть', досл. 'видение / увиденное появиться') [19, с. 19; 20, с. 26];

визь тырыны 'хватить ума' (досл. 'ум хватить, ум быть достаточным') [19, с. 81; 20, с. 118];

вир тырыны 'налиться кровью, образоваться (о кровоподтёке, синяке)' (досл. 'кровь наполниться') [19, с. 82; 20, с. 122];

зын потыны 'пахнуть; вонять' (досл. 'запах исходить') [19, с. 157; 20, с. 234];

йõ зорыны 'идти (о граде)' (досл. 'лёд дождить') [20, с. 259];

йыр берганы (*кысканы*, *поромыны*) 'кружиться (о голове)' (досл. 'голова крутиться / дёргать / кружиться') [19, с. 176, 246; 20, с. 265];

кõtвияны 'страдать расстройством желудка (диареей)', 'болеть дизентерией' (досл. 'живот течь') [19, с. 217; 20, с. 331];

кõtжõжаны 'обидеться, обижаться', 'опечалиться, печалиться' (досл. 'живот огорчиться, опечалиться') [19, с. 217; 20, с. 331];

кõtкуректыны 'печалиться, горевать, скорбеть', 'досадовать' (досл. 'живот горевать') [19, с. 217; 20, с. 331];

кõt уралтыны 'сильно проголодаться' (досл. 'живот сильно проголодаться') [19, с. 452; 20, с. 697];

кõtшуганы 'беспокоиться, тревожиться; нервничать' (досл. 'живот беспокоиться'); *ән кõtшугалэ!* 'не беспокойтесь!' [19, с. 218; 20, с. 333] (правильная конструкция: *кõtты медаз шуга*);

кыд бертыны 'лишиться разума (рассудка)' (досл. 'дух вернуться домой') [19, с. 238; 20, с. 365];

кыл тупаны 'прийти к соглашению, найти общий язык' (досл. 'язык подойти, язык поладить') [19, с. 240; 20, с. 369];

лулшуганы 'задышаться, страдать одышкой' ('досл. дыхание затрудняться') [19, с. 262; 20, с. 404];

лулшугомыны 'задышаться, страдать одышкой' ('досл. дыхание затрудниться') [19, с. 262; 20, с. 404];

пуштырыны 'переполниться (воспоминаниями, жалостью, обидой), опечалиться, расстроиться, расчувствоваться' (досл. 'нутро наполниться, заполниться') [19, с. 369; 20, с. 566];

сием потыны 'хотеть, захотеть есть; проголодаться' (досл. 'едение / есть появиться') [19, с. 388; 20, с. 596];

ур потыны (тырыны) 'гноиться' (досл. 'гной выходить / наполняться') [19, с. 451; 20, с. 697].

2.2. Наибольшую трудность при составлении словарей представляют конструкции, состоящие из сложных слов: *йыркур*, *кõtжõж*, *кõtшуг*, *лулшуг*, *сюлэмшуг* – и глагола *луыны* 'быть; становиться'. Для иллюстрации сказанного приведем материал одной из статей большого удмуртско-русского словаря [20, с. 268]:

йыркур гнев; злоба, злость; ~ *луыны* гневаться, выходить из себя; *йырез кур карыны* 1) рассердиться, рассердить 2) озлобиться, озлобить; *йыркурзэ поттыны* прогневить.

Некорректное оформление представленной словарной статьи, как и во многих других словарях, мы считаем, исходит из-за отсутствия четкого понимания того, что, во-первых, существуют следующие сложные слова: *йыркур* 'гнев, злость; злоба' *кõtжõж* 'обида, досада', *кõtшуг* 'беспокойство', *лулшуг* 'одышка', *сюлэмшуг* 'неприятные ощущения, боль в области сердца', перен. 'беспокойство, тревога'; с другой стороны, функционируют конструкции (предложения), представляющие собой сочетания подлежащего с именным сказуемым: *йыр кур* 'я зол, меня злит', *кõt жõж* 'мне обидно, досадно', *кõt шуг* 'мне беспокойно, душа не на месте', *лул шуг* 'у меня одышка, мне дышать тяжело', *сюлэм шуг* 'у меня неприятные ощущения, боль в области сердца', перен. 'у меня на душе беспокойно, тревожно'.

В устной речи две приведенные группы примеров – сложные слова и предикативные конструкции, вступая в синтаксические связи с другими словами, в том числе со спрягаемыми формами глагола, ведут себя совершенно по-разному. В качестве иллюстрации рассмотрим следующую пару: а) *йыр кур* и б) *йыркур*.

1) а) *мынам йыр (йыры) кур* 'я зол, меня злит';

б) *мынам йыртуре* 'мой гнев, злость';

2) а) *йыр кур луэ* '(меня) злит';

б) *йыркур луэ* '*злость бывает': *йыркур пõртэм луэ* 'злость разной бывает';

3) а) *йыр кур луиз* ‘(я) рассердился’;

б) *йыркур луиз* *‘злость стала’ (конструкция в живой речи маловероятна);

4) а) *йыр кур луыны кутскиз* ‘(я) начал сердиться’;

б) *йыркур луыны кутскиз* *‘злость начала быть’ (возможна трактовка как ‘злостью начал становиться; начал(о) превращаться в злость’);

5) а) *йыр кур луыку* ‘когда злишься’;

б) *йыркур луыку* ‘при наличии злости, злобы’.

С нашей точки зрения, сочетание сложного слова *йыркур* с глаголом *карыны* ‘делать’ также выглядит искусственным: *йыркур карыны* досл. ‘злость делать, совершать’, как и отглагольное имя *йыркур карон* и причастие *йыркур карись*. Вместо приведенных составных слов для реальной речи и для словаря более приемлемы конструкции: *йырез кур карыны* ‘сердиться, рассердиться’, ‘сердить, рассердить’, *йырез кур карон*, *йырез кур карись*. Применительно к субъекту речи однозначным выглядела бы инфинитивная конструкция *йырде кур карыны* ‘сердиться, рассердиться’, соответственно: *йырде кур карон*, однако: *йырэз кур карись*. Соответствующая подача материала более приемлема для двуязычных словарей, но в орфографическом словаре теряется системность и наглядность между производящей и производными конструкциями.

Из вышеприведенного описания становится очевидным, что рассматриваемые предикативные конструкции следует разграничивать от соотносимых сложных слов. Для орфографического словаря мы предлагаем подачу материала следующим образом (переводы можно найти в описаниях и списках слов выше):

йыр кур: мынам йыры кур

йыркур: мынам йыркурэ

йыр кур луыны кутскиз (йыр кур луиз, йыры кур луэ)

кõt жoж: мынам кõtы жoж

кõt жoжe: мынам кõtжoжe

кõt жoжe луыны кутскиз (кõt жoжe луиз, кõtы жoжe луэ)

кõt шуг: мынам кõtы шуг

кõtшyг: мынам кõtшyгe

кõt шуг луыны кутскиз (кõt шуг луиз, кõtы шуг луэ)

лyл шуг: мынам лyлы шуг

лyлшyг: мынам лyлшyгe

лyл шуг луыны кутскиз (лyл шуг луиз, лyлы шуг луэ)

сюлэм шуг: мынам сюлэмy шуг, мынам сюлмy шуг

сюлэмшyг: мынам сюлэмшyгe

сюлэм шуг луыны кутскиз (сюлэм шуг луиз, сюл(э)мy шуг луэ)

2.3. Большая группа найденных нами примеров представляет собой двухкомпонентные инфинитивные структуры, оба компонента которых обычно имеют прозрачную семантику, и их раздельное написание напращивается естественным образом. В связи с этим мы не видим необходимости подобные структуры включать в орфографические словари. Тем не менее в речи они представляют устойчивые сочетания или сочетания с высокой степенью воспроизводимости, поэтому их необходимо размещать в двуязычных словарях, однако не в виде конструкций «субъект + инфинитив», а как сочетания подлежащего с финитной формой глагола. Ниже приведем список подобных конструкций:

визь лыктыны ‘прийти на ум’ (досл. ‘ум прийти’) [19, с. 81; 20, с. 118];

визь бырыны ‘лишиться ума, потерять ум’ (досл. ‘ум кончиться’) [19, с. 81; 20, с. 119];

визь пырыны ‘поумнеть, образумиться’ (досл. ‘ум зайти’) [19, с. 81; 20, с. 118];

визь сузыны ‘догадаться, сообразить’ (досл. ‘ум дотянуться’) [19, с. 81; 20, с. 118];

визь сураськыны ‘сойти с ума, помешаться’ (досл. ‘ум смешаться’) [19, с. 81; 20, с. 118];

вир кисьтйськыны ‘проливаться (о крови)’ (досл. ‘кровь проливаться’) [19, с. 83; 20, с. 122];

вир: сьод *вир кисьтйськыны* ‘обозлиться’ (досл. ‘чёрная кровь литься, проливаться’) [19, с. 83; 20, с. 122];

вир пуксьыны ‘образоваться (о кровоподтёке, синяке)’ (досл. ‘кровь сесть, садиться’) [19, с. 83; 20, с. 122];

вир сõриськыны ‘расстроиться’ (досл. ‘кровь испортиться’) [19, с. 83; 20, с. 122];

вир усьыны ‘образоваться (о кровоподтёке)’ (досл. ‘кровь упасть’) [19, с. 83; 20, с. 122];

висьыны: *кõt висьыны* ‘болеть (о животе)’ (досл. ‘живот болеть’) [19, с. 84; 20, с. 124];

висьыны: *сюлэм висьыны* ‘болеть (щемить) (о сердце); нить (о сердце)’ (досл. ‘сердце болеть’) [19, с. 84; 20, с. 124];

зын кылйськыны ‘пахнуть’ (досл. ‘запах слышаться’) [19, с. 157; 20, с. 234];

зыныз бырыны ‘потерять запах, выдохнуться’ (досл. ‘запах=его кончиться’) [19, с. 157; 20, с. 234];

жyз вир кошкыны (луыны) ‘истекать кровью’ (досл. ‘обильно кровь течь / быть’) [19, с. 163; 20, с. 244];

киськыны: *йыр киськыны* ‘сильно болеть (о голове)’ (досл. ‘голова литься, проливаться’) [20, с. 265];

кысканы: *йыр кысканы* ‘болеть (о голове)’ (досл. ‘голова дёргать’) [19, с. 246; 20, с. 380];

йõ шуккыны (йõшуккыны) ‘побить градом’ (досл. ‘лёд ударить’) [19, с. 171; 20, с. 259];

кезьыт йõтыны ‘простудиться’ (досл. ‘холод задеть, дотронуться’) [19, с. 190; 20, с. 288];

кезьыт шуккыны ‘прихватить морозом’, перен. ‘простудиться’ (досл. ‘холод ударить’) [19, с. 190; 20, с. 288];

кõt берытскыны ‘быть отходчивым’ (досл. ‘живот / душа возвратиться’) [19, с. 217; 20, с. 330];

кõt каньыл луыны ‘становиться легче на душе’ (досл. ‘живот спокойным стать’) [20, с. 330];

кõt позыръяны (чутыръяны) ‘сильно проголодаться’, ‘скрутить (о животе)’ (досл. ‘живот закручивать, скручивать’) [19, с. 217; 20, с. 330];

кõtкыль йõтыны ‘заболеть дизентерией’ (досл. ‘дизентерия / болезнь живота задеть, дотронуться’) [19, с. 217; 20, с. 331];

кыл быгильмыны (канжаськыны) ‘заплетаться (о языке)’ (досл. ‘язык закружиться, затупиться / язык споткнуться, зацепиться’) [19, с. 240; 20, с. 369];

кыл гозы чыгыны ‘потерять нить рассказа (разговора); прерваться (о речи), сбиться с толку’ (досл. ‘верёвка речи порваться’) [19, с. 240; 20, с. 369];

кыл мoганы ‘не находить нужных слов’ (досл. ‘язык запинаться’) [19, с. 240; 20, с. 369];

кыл сэраны ‘развязаться (о языке)’ (досл. ‘язык развязаться, распуститься’) [19, с. 240; 20, с. 369];

кыт кошкыны ‘напугаться, сильно испугаться, перепугаться’ (досл. ‘дух уйти’) [19, с. 247; 20, с. 382];

лул кошкыны см. *лул потыны* [19, с. 261; 20, с. 402];

лул пытсаськыны ‘задышаться, страдать одышкой’ (досл. ‘дыхание закрыться’) [19, с. 261; 20, с. 402];

лул потыны ‘умереть, испустить дух’, ‘испугаться до смерти’, ‘выходить (о паре при выдыхании на морозном воздухе)’ (досл. ‘душа выйти’, ‘выдыхаемый воздух, пар выйти’) [19, с. 262; 20, с. 402];

лулпыжыны (*лул пыжыны*) ‘гореть (о душе в состоянии сильного возбуждения)’ (досл. ‘душа печься, жариться’) [19, с. 261; 20, с. 402];

муш палдыны (*потыны*) ‘роиться’ (досл. ‘пчела делиться / пчела выйти’) [19, с. 289; 20, с. 445];

мылкыд бурдьяськыны ‘воодушевиться, вдохновиться’ (досл. ‘настроение окрылиться’) [19, с. 290; 20, с. 449];

мылкыд куашканы ‘упасть духом’, ‘расстроиться’ (досл. ‘настроение свалиться, разрушиться’) [19, с. 290; 20, с. 449];

мылкыд тырыны ‘быть в настроении; быть довольным (удовлетворённым)’ (досл. ‘настроение наполниться’) [19, с. 290; 20, с. 449];

пуштырмыны см. *пуштырыны* [19, с. 369; 20, с. 565] (см. выше);

сюлэм пазьяськыны ‘нервничать’ (досл. ‘сердце расплёскиваться, разлетаться’) [20, с. 628];

сюлэм шоддыны ‘предчувствовать’ (досл. ‘сердце чувствовать’) [19, с. 406; 20, с. 628];

шугомыны: *сюлэм шугомыны* ‘беспокоиться’ (‘досл. сердце трудно стать’) [19, с. 506; 20, с. 777];

шыр: *дылды шыр кошкыны* ‘течь (о слюнях)’ (досл. ‘слюна обильно бежать’) [19, с. 513; 20, с. 787];

шыраны: *дылды шыраны* ‘течь (о слюне)’ (досл. ‘слюна течёт’) [19, с. 513; 20, с. 787].

Выводы

Лексикография удмуртского языка с момента своего зарождения прошла путь длиной более чем три века. Но из-за отсутствия перманентной работы в данной области многие проблемы остаются нерешёнными. Одной из таких проблем является оформление в словарях конструкций, связанных с выражением эмоционально-психических состояний и физиологических явлений. В живой речи подобные конструкции часто состоят из грамматического субъекта (*йыр* ‘голова’, *кõt* ‘живот’, *лул* ‘душа’, *вир* ‘кровь’ и т. д.) и спрягаемой формы глагола, например, *вир потэ* ‘кровь течёт, сочится’. В советский период в удмуртской лексикографии утвердилась традиция подачи глаголов в словарных статьях в форме инфинитива (афф. -ны). Вместе с публикацией очередного словаря постепенно стало увеличиваться количество структур типа «субъект + инфинитив», хотя подлежащее не может вступать в синтаксическую связь с инфинитивом. В работе пред-

лагаются пути решения исследуемой проблемы, при этом для разных групп исследуемых сочетаний способ решения несколько отличается.

1. Сложные двухкомпонентные глаголы, один из компонентов которых утратил свое самостоятельное употребление: *вожпотыны* ‘сердиться, рассердиться’, *мылпотыны* ‘хотеть хотеться, захотеть, захотеться’, *сююасьмыны* ‘испытывать жажду, хотеть пить’, *сююзманы* ‘утолиться (о жажде)’ (и т. д.). Данную группу слов предлагаем писать слитно, хотя при словоизменении компоненты отделяются один от другого: *вожпотыны*, но: *воже потэ* ‘я зол, сердит’.

2. Составные двухчленные конструкции, размещаемые в словарях в форме «субъект + инфинитив» в орфографическом словаре можно оформить по следующему образцу: *кõt тырыны* > *кõt тырыны* кутскиз (кõt тыриз), иначе говоря: «первый компонент + инфинитив + кутскиз ‘начался’». После чего – наиболее типичный пример (примеры) употребления (в скобках). В данном случае – глагол в форме прошедшего времени *кõt тыриз* ‘(я) наелся’.

3. Следует иметь четкое представление о том, что, с одной стороны, существуют сложные слова: *йыркур*, *кõtжож*, *кõtшуг*, *лулшуг*, *сюлэмшуг*, с другой стороны, – соответствующие предикативные конструкции, состоящие из аналогичных компонентов, в том числе, когда эти конструкции употребляются с глаголами, в частности с глаголом *луыны* ‘быть; становиться’. В качестве образца приведем примеры, представленные выше в тексте:

йыр кур (йыры кур) (‘я зол’)

йыркур (мынам йыркуре) (‘моя злость’)

йыр кур луыны кутскиз (йыр кур луиз, йыры кур луэ) (‘меня начало злить’, ‘я разозлился’, ‘зло берёт’).

4. Большая группа отобранных примеров представляет собой двухчленные инфинитивные структуры, оба компонента которых имеют прозрачную семантику, и их раздельное написание напрашивается естественным образом. Их следует включать в двуязычные словари не в форме инфинитивных сочетаний, а как сочетания подлежащего со спрягаемой формой глагола.

5. Для русско-удмуртских словарей можно использовать опыт составления финско-удмуртского словаря [22], в котором грамматический субъект рассматриваемых конструкций заключен в квадратные скобки: *harmistua* [*кõt*] *жож луыны*, *olla tuutyväinen* [*мылкыд*] *тырмыны*, *vi hastua* [*йыр*] *кур луыны* [22, с. 93, 699, 755].

Сокращения:

Афф. – аффикс; безл. гл. – безличный глагол; досл. – дословно; глаз. – глазовский диалект; малм. – малмыжский диалект; м.-урж. – малмыжско-уржумский диалект; перен. – переносное; пов. гл. – глагол повелительного наклонения; совр. – современное; уф. – уфимский диалект.

Список литературы

1. Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь / Т.К. Борисов. – Ижевск: УДГИЗ, 1932. – 374 с.
2. Вахрушев В.М. Удмуртская лексикография / В.М. Вахрушев. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 73 с.

3. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6, кн. 2 / под ред. В.М. Ванюшева. – Ижевск, 2006. – (Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь]) / отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л.М. Ившин; Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН. – 288 с.
4. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. В.М. Ванюшева. – Ижевск, 2011. – Т. 6, кн. 3 (Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь]) / отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л.М. Ившин. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. – 152 с.
5. Душенкова Т.Р. Эмоциосфера удмуртской языковой картины мира: монография / Т.Р. Душенкова; УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2020. – 324 с.
6. Жуйков С.П. Удмурт орфографической словарь / С.П. Жуйков; Удмурт научно-исследовательской институт. – Ижевск: Удмурт. гос. изд-во, 1936. – 264 с.
7. Кротов З. Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ 1785 года / З. Кротов. – 285 с.
8. Напольских В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта / В.В. Напольских. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 224 с.
9. Русско-удмуртский словарь (около 40000 слов) / сост. А.С. Белов, В.М. Вахрушев, А.П. Колесников, Н.И. Кондратьев; УдНИИ ИЯЛ. – М.: ГИИНС, 1956. – 1360 с.
10. Русско-удмуртский словарь: в 2 т. (более 55000 слов) / Л.М. Ившин, С.А. Максимов, О.В. Титова [и др.]; отв. ред. Л.М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2019.
11. Сороколетов Ф.П. Лексико-семантическая система и словарь национального языка / Ф.П. Сороколетов // Современность и словари. – Л., 1978. – С. 4–19.
12. Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотского языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. – Б. м., 1975. – 113 с.
13. Тараканов И.В. Туала удмурт кыл: Лексикология / И.В. Тараканов. – Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 1992. – 140 б.
14. Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А.А. Алашеева, Д.А. Ефремов, Т.М. Кибардина но мукетъсьсыз; Кылкутись ред. Н.Н. Тимерханова. – Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. – 408 б.
15. Удмурт кылын шонер гожьяськонъя кыллюкам: Шонер гожьяськон но пусъёс пуктылон правилоосын / отв. ред. И.В. Тараканов; УрО УИИЯЛ РАН. – Ижевск, 2002. – 416 с.
16. Удмурт орфографической словарь / История, экономика, кылья но литература Удмуртской научно-исследовательской институт. – Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1959. – 216 с.
17. Удмурт орфографической словарь: 25000 ёрос кыльёс но кыл сочетаниос / отв. ред. В.М. Вахрушев. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 352 с.
18. Удмуртско-русский словарь (около 15000 слов) / В.М. Вахрушев, К.А. Корепанова, Е.Н. Ложкина [и др.]; Науч.-исслед. ин-т ист., яз., лит. и фольклора при Совете Министров УАССР. – М.: ГИС, 1948. – 447 с.
19. Удмуртско-русский словарь: около 35000 слов / А.С. Белов, В.М. Вахрушев, Н.А. Скобелев [и др.]; под ред. В.М. Вахрушева; НИИ при Совете Министров УАССР. – М.: Русский язык, 1983. – 592 с.
20. Удмуртско-русский словарь (около 50000 слов) / сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин [и др.]; отв. ред. Л.Е. Кириллова; Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН. – Ижевск, 2008. – 925 с.
21. Удмуртское языкознание / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН: 85 лет исследований; Л.Е. Кириллова, Л.Л. Карпова, О.В. Титова [и др.]; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2016. – С. 133–169.
22. Suomalais-udmurttilainen sanakirja = Финн-удмурт кыллюкам / S. Maksimov, S. Saarinen, V. Danilov, E. Seliverstova; Suomalais-ugrilainen seura. – Helsinki, 2013. – 800 s. (Apuneuvoja suomalais-ugrialaisten kielten opintoja varten XVI; Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen XVI).
23. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. – Helsinki, 1987. – XXIII, 422 S.

References

1. Borisov, T. K. (1932). Udmurt kylliukam. Tolkovy udmurtsko-russkii slovar', 374. Izhevsk: UDGIZ.
2. Vakhrushev, V. M. (1988). Udmurtskaia leksikografia., 73. Izhevsk: Udmurtia.
3. Vanusheva, V. M., & Vereshchagin, G. E. (2006). Sbranie sochinenii: v 6 t. T. 6, kn. 2., (, 288. Izhevsk; Ivshin.
4. Vanusheva, V. M., & Vereshchagin, G. E. (2011). Sbranie sochinenii., 63(, 152. Izhevsk.
5. Dushenkova, T. R. (2020). Emotsiosfera udmurtskoi iazykovoi kartiny mira: monografia., 324. Dushenkova.; Izhevsk.
6. Zhuikov, S. P. (1936). Udmurt orfograficheskoi slovar', , 264. Zhuikov.; Izhevsk: Udmurt. gos. izd-vo.
7. Krotov, Z. Kratkoi Votskoi slovar' s rossiiskim perevodom sobrannii i po Alfavitu raspolozhennyi sela Elovskago Troitskoi tserkvi sviashchennikom Zakharyiciu Krotovym 1785 goda., 285.
8. Napol'skikh, V. V. (2001). Udmurtskie materialy D.G. Messershmida., 224. Izhevsk: Udmurtia.
9. Belov, A. S., Vakhrushev, V. M., & Kolesnikov, A. P. (1956). Russko-udmurtskii slovar' (okolo 40000 slov), 1360. Kondrat'ev.; M.: GIINS.
10. Ivshin, L. M., Maksimov, S. A., & Titova, O. V. (2019). Russko-udmurtskii slovar': v 2 t. (bolee 55000 slov). Ivshin.; Izhevsk.

11. Sorokoletov, F. P. (1978). Leksiko-semanticheskaia sistema i slovar' natsional'nogo iazyka. *Sovremennost' i slovari*, 4-19. L.
12. Cochineniia prinadlezhashchiia k grammatike votskogo iazyka. V Sanktpeterburge pri Imperatorskoi Akademii nauk 1775 goda., 113.
13. Tarakanov, I. V. (1992). Tuala udmurt kyl: Leksikologii. Izhevsk: "Udmurt universitet" knigapottonni.
14. Alasheeva, A. A., Efremov, D. A., & Timerkhanova, N. N. (2011). Udmurt kyllen kylkabdosez (morfologiez): todoslyko-dyshetskoi izdanie. Izhevsk: "Udmurt universitet" knigapottonni.
15. (2002). Udmurt kylyn shoner gozhias'konია kylliukam: Shoner gozhias'kon no pusios puktylon praviloosyn., 416. Tarakanov;; Izhevsk.
16. (1959). Udmurt orfograficheskoi slovar', 216. Izhevsk: Udmurtskoi knizhnoi izdatel'stvo.
17. Vakhrushev, V. M. (1984). Udmurt orfograficheskoi slovar': 25000 ioros kylios no kyl sochetanios., 352. Izhevsk: Udmurtiia.
18. Vakhrushev, V. M., Korepanova, K. A., & Lozhkina, E. N. (1948). Udmurtsko-russkii slovar' (okolo 15000 slov), 447. M.: GIS.
19. Belov, A. S., Vakhrushev, V. M., & Skobelev, N. A. (1983). Udmurtsko-russkii slovar': okolo 35000 slov., 592. Vakhrusheva;; M.: Russkii iazyk.
20. Dushenkova, T. R., Egorov, A. V., Ivshin, L. M., & Udmurt, L. E. (2008). Udmurtsko-russkii slovar' (okolo 50000 slov), 925. Kirillova;; Izhevsk.
21. Karpova, L. L., & Titova, O. V. (2016). Udmurtskoe iazykoznanie., 133-169. UrO RAN: 85 let issledovani; Izhevsk.
22. Maksimov, S., Saarinen, S., & Danilov, V. (2013). Suomalais-udmurtilainen sanakirja = Finn-udmurt kylliukam., . Seliverstova;; Helsinki; XVI;
23. (1987). *Wotjakischer Wortschatz*. Aufgezeichnet von Yrjo Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki; XXIII, 422.

Информация об авторе

Максимов Сергей Анатольевич – канд. филол. наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», Ижевск, Российская Федерация.

Information about the author

Sergey A. Maksimov – candidate of philological sciences, senior research fellow, FSBIS "Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", Izhevsk, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 02.11.2021

Принята к публикации / Accepted 24.11.2021

Опубликована / Published 16.12.2021